

Невозможность скрыть частную жизнь в публичных формах медиапространства и предельная транслируемость тела пользователя приводят к максиме создания приватной сферы в границах интерфейса. Зашифрованное пребывание в киберпространстве надстраивает метауровень публичной сферы, формирует новую приватность практиками анонимного пользования атрибутами медиа [1] (самозамыкание предельного развития публичного приводит к конституированию «постпубличности» как необходимого этапа реактуализации приватного).

Таким образом, именно приватность становится актуальной сферой возможного выбора альтернативных способов самоэкспонируемости и автономного присутствия через использование серверов виртуальной частной сети (VPN) как техники безопасного соединения и шифрования трафика, криптография представлена языком общественной анонимности. Концепт «постпубличности» раскрывает интенцию к конструированию приватности в рамках открытой сетевой платформы и предсказывает последующий этап развития публичного пространства методом призыва к коллективному шифрованию (новая приватность сетевого пространства как «постпубличность» и наоборот).

В данном докладе мы рассмотрим актуальные тенденции борьбы за анонимность и практики создания приватной сферы в рамках сверхпубличного киберпространства в контрсопоставлении теории шифропанка Э. Хьюза [2] и Дж. Ассанжа [3] и традиционной аналитики «публичного» Х. Арндт [4].

Примечания

1. Хьюз Э. Манифест шифропанка. URL.: <http://www.anarhvpn.ru/anarh/хаос/shifropunk.html> (дата обращения: 21.04.18).
2. Там же.
3. Ассанж Дж. Шифропанки: свобода и будущее Интернета. М.: Азбука Бизнес, 2014. 224 с.
4. Арндт Х. Vita Activa, или о деятельной жизни. Спб.: Алетейя, 2000. 437 с.

Загидуллина М.В.

Челябинский государственный университет, Челябинск

МЕДИАЭСТЕТИЧЕСКИЕ РЕКОНФИГУРАЦИИ ОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

Современная поэзия, переживающая давление перформанса, театрализации (рэп-баттлы, музыкальная культура), перемещается в интернет-пространство в поисках приемлемой среды обитания и вынужденно приспособляется к этой (относительно) новой для нее среде. Изучая состояние современных поэтических проектов (на примере движения «Уральская поэтическая школа»), мы можем обнаружить медиаэстетические компоненты современной поэтической коммуникации

(грант Российского научного фонда, проект 18-18-00007), все менее рассчитанной на исполнение и больше ориентированной на визуально-медийное воплощение. Видеопоэзия, активно практикуемая со второй половины XX века и основательно изученная в литературоведении и искусствоведении, получает все большее распространение в форматах интернет-коммуникации. Основной исследовательский вопрос поступает со стороны когнитивистики: является ли восприятие стихотворения, представленного в трансмедиальной форме, способом постижения именно этого произведения словесного искусства, а не по-иному организованного медиаформатного произведения видео (аудио) искусства? Со стороны философии искусства мы могли бы задаться также вопросом, насколько поэзия (словесность) в состоянии сохранять свой аутопойезис (Умберто Матурана, Франциско Варела[1]) или свою идентичность в условиях экспансии медиакоммуникаций.

Во-первых, поиск ответа возможен в области диахронного подхода. Если исторически поэзия появляется из мелодии, пения, ритма, то ее трансмедиальность исторически оправдана (новый виток возвращения поэзии к праформам – интонация, ритм, паузы и другие элементы декламации оказываются важнее и значимее самого смысла слов, организующих эту декламацию. Этот подход в целом представлен в концепциях неотрайбализма и эпохи «вторичной устности» (Уолтер Онг[2] и другие). Но в таком случае видеоформаты, представляющие собой «дополненную реальность» поэтического пространства, бросают вызов этому «старому новому», поскольку активизируют иные зоны восприятия (визуальные образы и провокация воображения).

Во-вторых, мы можем обратиться к теории искусства и выявить «очищающие концепты», суть которых – предоставление конкретному материалу искусства доминирующей роли в производстве смыслов, перемещение его из периферийного пространства в центр. Так, Василий Кандинский провозглашает самодостаточность цвета и формы, которые должны быть освобождены от ига фигуративности и дать зрителю всю полноту переживания их чистой сущности, не затемненной маргинальной ролью «раскрашивания» реплик реальности[3]. Абстракционизм в разных видах искусства направлен на подобное высвобождение форм и средств (материалов) для проникновения в суть каждого вида искусства (например, чистый конструктивизм в архитектуре, освобожденный от прикладных задач организации зданий, или музыкальные декакофонические эксперименты, призванные дать слушателю новые эмоции при восприятии музыки, отказавшейся от гармонии). Принцип «искусство для искусства» (или «чистое искусство») ведет нас логически к признанию подобных очищающих концептов и в области поэзии. Однако если для теоретиков «чистого искусства» эпохи позитивизма это

означало высвобождение поэзии из социальных пут, то, продолжая линию Кандинского, мы можем видеть в современных медиаформатах движение к слову, освобожденному от денотата, превращающемуся в «пустую форму», заполняемую не читательским воображением (как это было в эпоху экспериментальной поэзии начала XX века), но видеообразами, порождающими эмоции, адекватные (или нет) авторской интенции. Так возникает отсылка к концепции Томаса Митчелла, теоретика визуального компонента коммуникации, полагавшего, что самое важное в эстетическом анализе визуальных образов – это отказ от вербализации, признание первичности образа (Чарльз Пирс), поиска средств адекватного «схватывания» сути визуального без посредничества языка, текста[4]. Возвращаясь к поэзии, остается признать, что трансмедиация работает с иными смыслами и образностью, чем может произвести стихотворение, созданное на перекрестке ритмов и смыслов слов, их первичности – звучания, имеющего свою особую природу.

Примеры медиапроектов в рамках движения «Уральской поэтической школы» (в том числе оффлайн-онлайн «Антологии анонимных текстов», 2016[5]) подтверждают мысль о расхождении творческих стратегий «чистой» и «медиа-ориентированной» поэзии, а также открывают перспективы рассмотрения медиаэстетизации словесности как таковой.

Примечания

1. *Mitchell W.J.T.* Image Science: Iconology, Visual Culture, and Media Aesthetics. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2015. P.129.
2. *Матурана У.Р., Варела Ф.Х.* Древо познания. М.: Прогресс-традиция, 2001.
3. *Ong W.J.* Orality and Literacy: The Technologizing of the Word. London: Methuen & Co. Ltd, 1982.
4. *Кандинский В.В.* О духовном в искусстве. М.: АСТ, 2018.
5. *Русская поэтическая речь – 2016.* Антология анонимных текстов. Челябинск: Изд-во Марины Волковой, 2016.

Кальва И.С.

Тюменский индустриальный университет, Тюмень

МЕДИАФИЛОСОФИЯ: ЭСТЕТИЧНОСТЬ СМИ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ВЛАСТЬЮ. КТО ФОРМИРУЕТ ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ПОКОЛЕНИЯ?!

За три века существования российской журналистики изменилось очень многое: тенденции, нравы, виды средств массовой информации (печатные СМИ, телевидение, радио, интернет-журналистика). Но одно осталось неизменным: влияние средств массовой информации, как «четвертой власти» на формирование общественного мнения и развитие ценностных ориентаций поколения. В данном контексте особенно актуальным представляется вопрос эстетичности современных масс-